

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. В «Волге» публикуется с 1999 года.

РАССКАЗЫ

Три игрока в пиклбол, жена и аллигатор

Они познакомились на пиклбол-кортах, и несколько его удачных шуток сблизили их. Свою роль сыграло то, что домой после игры они возвращались по одной улице, и в разговорах выяснилось, что в юности она тоже любила «Лед-Зеппелин», а в списке прочитанных ею книг были «Скотный двор» и «Мадам Бовари». Его, привыкшего к тому, что окружающие читали теперь только эсэмэски на экранах телефонов, это умилило, хотя объяснение этому было простое: она принадлежала к поколению, начавшему читать до появления мобильной связи, когда чтение было таким же обыденным делом, как и на его родине. Тоже, впрочем, до появления мобильной связи.

Ее звали Роксэн, и это имя, памятное по известной песне Стинга, проскользнуло в сердце Леонида Ильича одновременно с ее широкой улыбкой и смехом. Все в ней – голос, короткая черная стрижка, походка – немного вразвалочку, точные движения на корте были так по душе ему, что другие детали ее внешности, обычно привлекающие мужской взгляд, были несущественны. Оно и понятно, ему было под семьдесят, ей – немногим больше пятидесяти. Она была для него молодой женщиной. Погодите, но он, что же, не мог найти по-настоящему молодую? Например, Дашу из русского магазина на Тамиями? Кареглазую красавицу из Днепропетровска, лет тридцать пять от силы. Верно, Даша, конечно, была красавицей, но только он ничего не искал. Так случилось, что он встретил на кортах эту Роксэн, а, как вы знаете, ничто не сближает так, как общие интересы и занятия. Вот и все. Он называл ее Рокси, она называла его Ленни.

О том, что он в нее так по-подростковому втюхался, он понял, когда, играя с ней в паре, стал замечать, что его охватывала настоящая слабость от мысли, что он может сделать ошибку и будет выглядеть в ее глазах неуклюжим стариком. До тех пор его возраст его не беспокоил.

Постоянно думая о ней, он невольно превратил ее в свою мысленную собеседницу. Он вел с ней бесконечные разговоры, в том числе по ночам. О чем они говорили? Да обо всем на свете, потому что она слушала его. Она слушала его и в реальной жизни и, может быть, это было главное, что так привлекало в ней. Он не был для нее пустым местом. Она, впрочем, будучи человеком вежливым, слушала всех, это Леонид Ильич решил, что она слушала его одного с каким-то особым вниманием.

Видела ли она, что происходит с ним в ее присутствии? Конечно видела. Женщины такое не пропускают. Не знаю, как она относилась к этому, скорее никак, потому что

главным интересом ее жизни был пиклбол, и если ее интересовали мужчины, то только в качестве партнеров для участия в серьезных турнирах. И между прочим, в самом начале их знакомства, она предложила ему поучаствовать в небольшом местном чемпионате, где они проиграли шесть игр из шести. После чего в ее жизни появился Ник. Это был коренастый, бритоголовый, улыбчивый крепыш ее возраста. Больше мы о нем ничего не знаем. Может быть, смеха ради и для завершения портрета можно представить, что он – механик по ремонту мотоциклов. На корте он был хрестоматийным «бэнгером», в смысле лупил мяч из любой позиции: снизу, сверху, с боков, отовсюду.

Очевидно его партнерство с Рокси оказалось удачным – они начали участвовать в турнирах смешанных пар, разъезжая по всему Восточному побережью Флориды от Майами до Джексонвилла.

С одной стороны, Леонид Ильич был, конечно, рад за подругу, с другой – он почувствовал себя сидящим в вагоне поезда, который неуклонно приближался к входу в черный туннель небытия. Вот сейчас паровоз свистнет последний раз, и все – конец фильма. Рядом, покачиваясь в такт движению вагона, сидела, прикипев взглядом к экрану телевизора, его жена Вера. Шел предпоследний – девяносто четвертый эпизод финального сезона «Декстера». Кровавый сюжет неуклонно двигался к своей кровавой развязке. Иначе быть не могло, поскольку Декстер был не только убийцей-рецидивистом, но и специалистом по анализу крови. Трудно передать, как сроднилась Вера с ним и другими героями полицейской драмы, разворачивавшейся на ее глазах семь долгих лет.

И все же называть ее стопроцентной телезомби я бы не стал. Например, один раз ее увлекла идея приобретения пистолета.

– Зачем тебе пистолет во Флориде? – удивился Леонид Ильич. – Это же не Нью-Йорк, тут все спокойно, как на кладбище.

– Пусть будет, – ответила она.

Они пошли в ближайший оружейный магазин и приобрели пятизарядный смит-вессон 642 из розового металла «для девочек», который легко помещался в ее сумку.

Потом они несколько раз ходили в тир, и глядя как она, расставив ноги и держа револьвер обеими руками, стреляла в висевшую от них футах в пятнадцати мишень, он подумал, как редко он теперь видит в ее лице эту сосредоточенную целеустремленность, которая когда-то так привлекла его. Через несколько недель коварный Декстер снова затянул ее в свой кровавый омут. Где она держала свою игрушку, он даже не спрашивал, его это не интересовало. Интересовало ли ее, где он проводит столько времени, покидая дом? Трудно сказать. Иногда, пакуя спортивную сумку – запасная майка, свежее полотенце, шарики, бутылка электролита – он замечал устремленный на него напряженный взгляд, но в принципе все между ними было давно выяснено и не вызывало дополнительных вопросов – здоровье не позволяло ей заниматься спортом, он не мог заставить себя сидеть перед телевизором.

Однажды он пришел на корты и увидел Рокси и Ника в кругу обступивших их игроков. Они очень оживленно рассказывали о своих успехах на последнем турнире в Палм-Биче. Рокси сияла от счастья. Да-да, она по-настоящему излучала свет, как это случается с влюбленными женщинами. Она была так увлечена разговором, что даже не посмотрела в его сторону, и он, ощутив себя совершенно лишним на этом празднике спорта, ушел. С потяжелевшим сердцем он направился к берегу озера, на который выходили корты, и здесь сел на траву. На другом берегу, за густой стеной камышей ему был виден ее дом с красной черепичной крышей под пальмами.

Было жарко. Он достал из сумки бутылку «Бодиармора» и отпил. Пряча электролит, он вдруг заметил лежащего рядом аллигатора. Он был в таком подавленном состоянии духа, что даже не испугался. Судя по размерам, это была Кэти, шестиметровая самка, которая получила свое имя после давнего инцидента, когда съела спустившуюся к воде собачку с таким же именем. Кто-то, утешая потерпевшую владелицу, сказал, что надо бы как-то увековечить память всеобщей любимицы, и тогда какой-то остряк предложил присвоить имя покойной болонки ее убийце. Скорбящие возмутились, но как-то так вышло, что аллигатора теперь только так и звали. И вот эта Кэти лежала от него в полудюжине шагов и смотрела на него неподвижным желто-зеленым глазом с черной вертикальной черточкой. Из-за волнистого разреза пасти казалось, что она улыбается, будто знает что-то такое, что ему неизвестно.

«Может быть, – подумал Леонид Ильич, – если бы она сейчас утащила меня в воду, это решило бы мою проблему. Несколько минут мучительной борьбы с неотвратимым, а потом – вечный покой».

Прекрасно понимая несуразность своих чувств к Рокси, он не мог подчинить их простой логике: он был очень немолодым человеком с такой же немолодой и страдающей астмой женой, оставить которую он не мог. Это – раз. Два – Рокси была в том возрасте, когда мало кто стал бы менять свою свободу на короткий поводок обязательств перед постоянным партнером. Особенно таким как он. Что он вообще мог предложить ей, кроме своего артрита, простатита, тендинита и прочего хлама, в который неуклонно превращалось его тело? Сколько ему вообще оставалось, кто-то мог бы сказать? Десять лет? Пять? Три дня? Стоил ли он чьих-то хлопот?

Сидя на берегу озера с видом на дом своей пассии, Леонид Ильич размышлял о том, что его тяга к Рокси во многом подпитана фантазиями, которые он не сумел вовремя остановить, хотя должен был бы. Ну, например.

Однажды он проезжал мимо ее дома и мельком увидел ее стоявшей в дверном проеме. В комнате за ней горел неяркий свет. Она держала в одной руке сумку, другой что-то искала в ней. И в этот момент он очень ясно представил себе, как стоя возле нее, спросил бы:

- Что ты ищешь, дорогая?
- Ключи от машины куда-то запропалились.
- Я видел их на кухонном столе.
- А, да? Спасибо, милый.

За обменом парой обыденных фраз могла быть совместная жизнь любящих друг друга людей, какими могли быть и они. Это была самая настоящая фантазия, но она исправно уносила его в совершенно несусветные дали и, что самое досадное, оставляла там. День в д'Орсе, полуденный отдых в Люксембургском саду, ужин в «Клозери де лила»...

Еще пример? Да сколько угодно!

Стайка неоновых тэтр движется вдоль прозрачной стенки аквариума, в котором отражается хозяйка дома. Она сидит на диване, положив голову на руку, в другой руке бокал с ее любимым калифорнийским пино-нуаром. Ей хорошо в ее тихом и уютном царстве, но именно сейчас ей хотелось бы, чтобы рядом был кто-то, кому она могла бы положить голову на плечо, потому что человек не может быть все время один. Никто не может один. Господь создал Адама и Еву, чтобы ему не было так одиноко. При этом он не

побоялся предстоящих хлопот с этой парочкой, о которых он, конечно, не мог не знать. Я о хлопотах, как вы поняли.

Ах, если бы только Леонид Ильич принадлежал к породе веселых героев-любовников, строящих отношения с женщинами по принципу: wham-bam, thank you ma'am! Но нет, ему было мало одного счастливого момента. Он хотел сохранить и продлить его, как морская раковина сохраняет в себе шум прибоя. Поэт, да и только!

Ничего не понимаю. Так он, что ли, хотел создать новую семью? Нет, он не мог этого хотеть, и я вам объясню почему.

Представьте себе, как тот же самый Леонид Ильич едет на своем новеньком девятискоростном «Кенондейле» домой с кортов. Спицы сверкают на солнце. Приятно зудят шестеренки. За спиной его сумка, из которой торчит рукоятка верного «Селькирка». Наш спортсмен неторопливо катится по дороге, обсаженной розовыми и красными олеандрами. Как стаи бабочек покачиваются над газонами белые лепестки мексиканских петуний. Над ними высятся роскошные розовые и желтые мальвы. А вот и его светлый и просторный дом, белый фасад которого увит пурпурной бугенвиллеей. И над всем этим парадизом светит безмятежное солнце Флориды. Представили? А теперь представьте, что сейчас ему надо нанимать адвоката, который будет делить это счастье между ним и его Верой, чтобы он мог начать все заново и неведомо где. Еще какие-то объяснения нужны?

Да, нужны! Ведь говорилось, что он поэт. А поэт нанимать адвоката никогда не станет. Он забросит за спину котомку с торчащей из нее рукояткой «Селькирка», тихо закроет за собой дверь и поедет на своем «Кенондейле» куда глаза глядят. По пути сочиняя новые стихи.

О да-а, это прекрасная перспектива! Я так и вижу нашего поэта стоящим на каком-то безлюдном перекрестке, руки на руле велосипеда, «Селькирк» куда-то исчез, скорее всего продан, брюки малость пообтрепались, на левой штанине жирное пятно, майка выгорела, седая щетина, взгляд устремлен в туманную даль – за железнодорожный переезд. Дорогие дамы! Кому нужно это литературное сокровище, отзовитесь! Ау-у-у!!!

И вы думаете, он сам этого не понимает? Конечно понимает, ведь все вышеописанное это его мысли и есть. Я вам говорю: в каждом русском живет чеховский Гуров, это омерзительное существо, в котором похоть и глупость постоянно побеждают ум, честь, совесть и ответственность перед семьей и обществом. Что и делает его таким привлекательным для интеллигентного читателя, которому просто необходимо знать, что не он один такое говно.

Это-то все понятно, но знаете, как поется в песне:

Love comes, nothing can be done...

Леонид Ильич горько усмехнулся своим умозаключениям, вздохнул, поднялся с травы и направился по берегу к ее дому. Нет, он не планировал увидеть свою любовь, просто это был самый короткий путь к тому месту, где он жил сам. Он осознал, как долго просидел на берегу, только увидев Рокси на ее веранде в легком синем в малюсенький голубой цветочек халате, с банкой пива в руке. Пока он размышлял о своем, она и ее партнер вернулись домой. Ник полулежал на плетеном диване перед висевшим на стене телевизором, по которому шла трансляция парных игр из Палм-Бича. Устроив ноги в бело-синих кроссовках «Вилсон» на краю журнального стола, он тоже потягивал пиво.

– Ленни, что с тобой? – удивилась Рокси, увидев Леонида Ильича. – На тебе лица нет. Что-то случилось?

Он остановился. Он, конечно, хотел бы сказать ей что-то важное, но только не знал что. Может быть, сообщить ей, что решил бросить пиклбол, потому что... потому что пиклбол для него был тем пространством, в котором постоянно присутствовала она, и это было невыносимо. Еще больше он хотел бы вообще безо всяких слов обнять ее, поддержать в объятиях хоть минуту, и потом молча уйти, сохранив в памяти прикосновение ее тела.

Она вышла ему навстречу, взяла за руку и ввела на веранду.

– Тебе что – плохо?

– Кто это? – спросил Ник, поднимаясь с дивана.

– Потеряйся, – устало сказал Леонид Ильич, даже не глядя на соперника. – Нам не о чем говорить. Я хочу говорить с Рокси.

– Кто – я потеряйся?!

Быстрыми, мелкими шагами, какими он передвигался по корту, Ник обошел диван, достал из брошенной на пол сумки свою ракетку и, коротко размахнувшись, ударил Леонида Ильича по голове. У того подогнулись колени и он мешком повалился на пол. Рокси вскрикнула, услышав, как стукнула о кафедра его голова.

– Зачем ты это сделал?! – выкрикнула она. Лицо ее стало бледнее бумаги.

– А кто этот дед? – Ник сделал удивленное лицо. – Как он вообще здесь оказался? Ты его знаешь?

– Да, я его знаю. Зачем ты ударил его?

Она стояла над Леонидом Ильичом с банкой пива в руках и смотрела, как на светло-сером полу возле головы у того собирается черная лужица крови.

– Проклятье, – сказал Ник.

Он встал на колени, взял руку Леонида Ильича и попробовал пульс, потом приложил два пальца к горлу пострадавшего, поддержал так, потом, посмотрев на Рокси, покачал головой.

– Надо вызвать полицию, – сказала та.

– Не надо. Менты меня арестуют, а я на пароле.

– Ты на пароле? Час от часу не легче! А что же теперь делать?

– Ночью мы его оттащим к озеру и там его аллигаторы затамят к себе на дно.

– Какой ужас, – сказала она, приложив руку к груди. Ей стало тяжело дышать. – Это неправильно. Может быть, его еще можно спасти.

– Слушай, его уже нельзя спасти, но зачем мне калечить жизнь? Если меня привлекут за него, это восемь минимум. А у меня дети, между прочим.

– Какой ужас, – снова сказала она и, сев на диван, взялась руками за голову. – Я не могу в это поверить... Такое не могло произойти со мной... В моем доме...

Ник между тем ушел и скоро вернулся с простыней, рулоном бумажных полотенец и бутылкой «Виндекса». Собрав кровь с пола, он спрятал мокрые полотенца в пластиковый пакет, побрызгал на кафедру «Виндексом» и вытер его начисто. Потом поднялся и накрыл тело простыней.

Все перепуталось в голове у Рокси. Правильней всего было, конечно, вызвать полицию. Но теперь она боялась достать из кармана халата телефон и набрать 911, осознав, что стала для Ника опасным свидетелем. Все, что было между ними за несколько минувших месяцев, вдруг разом потеряло всякое значение. Речь шла о его свободе. И, возможно, о ее жизни. Она вышла с веранды, чтобы не видеть ни Ника, ни лежащее на полу тело. Солнце заходило за крышу клуб-хауза, и тени от пальм потянулись к воде. Она увидела, как поднялась, пошатываясь на толстых лапах, лежавшая на другом берегу Кэти,

спустилась к озеру и, плавно скользя в него, поплыла. Бугорки ее глаз и острия гребня еще оставались какое-то время на поверхности, потом исчезли, только круги разошлись.

Рокси стояла у воды, пока к ней не подошел Ник с пачкой сосисок, которые он достал из холодильника, и стал бросать их в воду там, где из нее поднимались камыши. Рокси взглянула на него и увидела его многозначительный ответный взгляд.

Она ушла к себе в спальню, прикрыла дверь и легла. Ей было нехорошо. Она знала, что все, что они делают – неправильно, но она знала и то, что пока Ник не сделает то, что хочет и не уйдет, она ничего изменить не сможет. Все, что она могла, это попытаться отключиться от этого кошмара. Она закрыла глаза и неожиданно быстро заснула.

Ник разбудил ее.

– Мне нужна твоя помощь.

– Какая? – испуганно спросила она, поднимаясь с постели.

– Посмотри, чтобы никого не было вокруг.

– А сколько сейчас времени?

– Два часа.

Она вышла из дому. Была чудесная летняя ночь. В центре усыпанного яркими звездами неба висела тонкая серьга луны, и ее маленькая копия лежала на черной поверхности озера. Свет в окнах соседних домов не горел, их владельцы, она знала, летом уезжали на север.

– Порядок? – спросил негромко Ник.

– Да, – ответила она негромко и отошла в сторону, дав ему пронести мимо его страшную ношу. Ник дошел до воды и осторожно вступил в заросли камышей. Они сошлись за его спиной, и Рокси уже не видела, что он там делает, но только слышала шум стволов и даже решила, что Ник снимает с убитого простыню, что было, конечно, верным решением. Она ушла в дом, закрыв за собой стеклянную дверь, словно защищаясь от происходившего в ночном мраке.

Голова была тяжелой, но сон прошел. Она налила себе воды и села на диван. В доме было прохладно, и она накрыла ноги пледом. Больше всего она теперь хотела, чтобы Ник ушел не прощаясь, а завтра, на свежую голову она решила бы сама, что ей делать. Звонить в полицию или дать всей этой истории просто тихо уйти из ее жизни. Но как она уйдет? Жена, кажется ее зовут Вера, станет его искать. Копы пойдут с вопросами по домам: когда вы его видели в последний раз? С кем он был? Кстати, где его телефон? Ведь могут же найти и по телефону. Господи, нет, лучше, все же, пойти в полицию и дать показания. А Ник? Она не могла понять, как теперь относится к нему. На кортах она была в восторге от его ловкости и скорости, с которой он блокировал мяч и наносил удары, но сейчас... Зачем он убил его? За что? За то, что тот просто не хотел с ним разговаривать? Оказывается, он еще и на пароле! Интересно, что он натворил.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Боже мой, неужели он не мог тихо вернуться через веранду? Или там защелка сработала?

Открыв дверь, она просто задохнулась от ужаса – на пороге стоял мокрый и перепачканный грязью и тиной Леонид Ильич.

– Рокси, – сказал он. – Прости, что так поздно. Не понимаю, что со мной произошло. Очнулся в воде. В каких-то кустах. Насилу выбрался. Смотрю, у тебя свет горит. Прости.

От ужаса у нее стучали зубы, но она впустила его в дом, отвела в ванную и включила душ. Потом закрыла входную дверь и дверь на веранду на ключ, твердо решив Ника в дом больше не пускать.

Она достала из шкафа шорты и майку сына, который учился в колледже и домой теперь приезжал только на каникулы, и отнесла в ванную.

Леонид Ильич стоял за стеклом душевой и, опершись спиной о стену, намыливал остатки седой шевелюры. Совершенно неожиданно горячие слезы навернулись ей на глаза, и она заплакала. Но почему? Трудно сказать. Может быть, ей стало жалко этого влюбленного в нее старого мальчика, а может быть, ей стало жалко саму себя, оказавшуюся в этих диких обстоятельствах, а может быть, просто скопившееся в ней напряжение вырвалось, наконец, наружу.

Она утерла слезы, положила шорты и майку на стул и вышла. Когда Леонид Ильич вернулся в комнату, она спросила его, не хочет ли он чаю или кофе, но он, сев на край высокого стула у кухонного стола, попросил тайленола. Она дала ему таблетки и стакан воды.

– Совершенно не понимаю, что со мной произошло, – сказал он.

– Совсем ничего не помнишь?

– Я был на кортах, потом я сидел на берегу у озера. По-моему, видел там Кэти. Нет, больше ничего не помню.

– Может быть, тебя домой отвезти? Вера, наверное, места не находит.

– О, только не домой, – сказал он. – Сейчас начнутся выяснения, где я был, с кем? Я даже думать об этом не хочу. Мне и так хреново, голова просто гудит. Можно я полежу у тебя минут десять?

– Конечно.

Он лег на диван, а она, видя, что ему действительно плохо, села рядом с ним. Он взял ее руку и закрыл глаза.

– Побудь со мной немного. Пожалуйста.

От касания его рук, от их внезапной близости, сердце ее дало сбой. Она очень осторожно легла рядом с ним, и он тоже очень осторожно обнял ее и прижался к ней.

– Рокси.

– Да?

– Я так счастлив, что встретил тебя.

– Я тоже, – негромко ответила она. – Особенно этой ночью.

Она проснулась первой и осторожно поднялась с дивана. Леонид Ильич спал, спокойно и ровно дыша. Сине-багровое пятно расползлось по его виску и опустилось по скуле на щеку. Она подошла к стеклянной двери на веранду. Утро было идиллически тихим, небо розовело над клубной крышей, через стекло было слышно пение первых утренних птиц. Пара кривоклювых ибисов выскивала в траве червей – свой завтрак. Ник, видимо, ушел домой, решив ее не тревожить, и хоть это было хорошо.

Она вышла наружу, прошла к озеру и с остановившимся сердцем увидела прибившийся к камышам синий с белым кроссовок Willson. Камыши были сильно примяты и местами как будто вырваны. В открывшемся ее взгляду пространстве плавала оранжевая бейсбольная кепка Ника. Вода там была мелкая, и видна была опустившаяся ко дну и еще не растворившаяся кровь.

– Ах, – выдохнула она и взялась рукой за сердце. – Ах...

Вернувшись в дом, она трясущимися руками достала из кухонного шкафа баночку валиума, отсыпала в ладонь с полдюжины таблеток и разом отправила их в рот. Стуча зубами о стакан, запила. Взяв в гараже грабли, она выловила ими из воды кроссовок и кепку, положила в пластиковый пакет и бросила в мусорный бак, который менее чем за сутки стал настоящим архивом улик преступления.

Леонид Ильич поднялся в начале восьмого. Напоив его кофе, она предложила ему отвезти его домой. Он ответил, что пока еще прохладно, предпочитает пройти пешком.

– Ты точно сможешь сам?

– Да-да, не волнуйся, спасибо тебе за все.

У двери они обнялись на прощанье, именно как он мечтал, и она вышла за ним, чтобы провести немного. Они одновременно увидели, как в дальнем конце квартала из-за поворота вышла седая женщина и направилась в их сторону. Она неотрывно смотрела в телефон, который держала перед собой в правой руке. Это была Вера. Через минуту-другую она поравнялась с ними, подняла голову и, глядя на них, сказала:

– Ну, конечно, я так и думала.

Спрятав телефон, она раскрыла сумку и достала из нее игрушечный розовый револьвер. Она расставила ноги, подняла револьвер двумя руками и направила его на Леонида Ильича. Рокси хотела попросить Веру остановиться, но слова вдруг оставили ее.

– Предатель, – сказала Вера.

– Не стану спорить, – усмехнулся Леонид Ильич и, вздохнув, повернулся к Рокси.

– Извини дорогая, – сказал он, виновато улыбаясь. – Я хотел другого, но, наверное, так будет даже лучше.

Сердце так громко билось в груди у Рокси, что она не услышала выстрела, а только увидела, как снова у Леонида Ильича подкосились ноги и он осел на выложенную кирпичом площадку перед гаражом, снова стукнувшись своей несчастной головой о камень.

Пряча пистолет в сумку, Вера подошла к телу, чтобы посмотреть на результат проделанной ею работы. На белой ткани майки на груди мужа медленно росло темно-красное пятно.

– Помогите мне, – обратилась она к Рокси.

– Как? – едва выдохнула та.

– Оттащим его к озеру.

– Зачем?!

– Ну не будем же мы с вами расчленять тело у вас в гараже, а потом растворять его в кислоте у вас в ванной, – ответила Вера. – Подкинем его Кэти, а она с ним сама разберется. Не тратьте время, милая, берите его, пока никто не видит.

Взяв покойного мужа за ногу, она кивнула Рокси, чтобы та брала его за вторую.

В реве труб и шуме крыльев

У моего друга – владельца Бруклинского клуба настольного тенниса – Нисона было одно железное правило – никто не должен был сидеть в ожидании подходящего партнера. Если, например, в зале одновременно появлялись мастер с рейтингом за две тысячи и какой-нибудь начинающий любитель, мастер не мог ждать равного, он должен был играть с любителем, во всяком случае, пока не появится кто-то более достойный.

– Научи человека чему-нибудь, – говорил Нисон мастеру. – Потренируй на нем свои подачи.

Не всем это нравилось, но такой был порядок. В тот вечер, о котором пойдет речь, я закончил очередную игру и сел передохнуть и выпить воды. В этот момент в зале появился Семен. Это был старый теннисист, который приходил в клуб несколько раз в неделю, хотя это было ему уже нелегко. Ему было под восемьдесят, и в нем уже с трудом угадывался бывший спортсмен: рыбацкие шорты с десятком карманов, заношенная майка навывпуск, розовая лысина в коричневых пятнах, седая щетина на обвисших щеках, живот. Но его уже не заботило, как он выглядит, он просто хотел играть пока мог.

Поскольку я был единственным в зале, кто не играл, Нисон кивнул мне на Семена, чтобы я позаботился о нем. Тут я должен сказать, что ненавижу играть со старыми теннисистами, и вот почему. С возрастом все мы начинаем двигаться медленнее, реакция тоже не та, поэтому в игре с молодым партнером шансов у пожилого человека не много. Чтобы компенсировать эти потери, многие старые теннисисты переходят с обычных гладких накладок на своих ракетках на резину с шипами или еще на какую-то другую чертовщину типа «антиспина», которые либо придают шарiku необычное вращение, либо не дают вращения вообще. Играть против такой резины можно только одним способом – вращать, вращать и еще раз вращать шарик, что есть силы. Такая игра лишена всякой радости, она превращается в тяжелую физическую работу. И когда только Семен достал из чехла свою ракетку, я понял, что мне сейчас предстоит потрудиться. Я попросил его посмотреть ракетку, и он подал ее мне. Черная накладка была с короткими толстыми шипами, красная – с длинными тонкими.

Мы начали с разминки. Он, конечно, умел пользоваться своим инструментом. Через несколько минут он сказал «готов», и я бросил ему шарик, чтобы он подавал.

Счет пошел так: 1:0, 2:0, 0:3, 1:3, 3:2, 3:3, 4:3, 4:4... Когда я вырвал, просто вырвал у него десятое очко, я случайно встретился взглядом с Нисоном, который в это время стоял у соседнего стола с каким-то своим учеником и, остановив игру, смотрел на меня, словно ожидая, когда я обращу на него внимание. Он немного усмехался, и во взгляде его я прочел: «Что ты делаешь? Может быть, этот несчастный дед пришел в зал последний раз в жизни. Дай ему выиграть!»

В этом был весь Нисон. Во всю жизнь я не видел человека с более мягким сердцем. Он был, что называется, «добрым самаритянином». Это не мешало ему быть спортсменом и настоящим бойцом. Он много раз был чемпионом среднеазиатской республики, из которой был родом, он был чемпионом СССР в парах, получал медали уже в Штатах, но если речь не шла о соревновании с равным, он был готов уступить слабому, чтобы сделать его счастливым. В этом проявлялись и его сила и щедрость его души. И сейчас он смотрел на меня, и я читал в его взгляде: «Дай ему выиграть!»

И я дал ему выиграть. Просто отбросил несколько раз шарик в сетку, и все закончилось.

Семен обошел стол и пожал мне руку. Его ладонь была мокрой. Он сел на скамейку, достал из сумки полотенце и стал утирать лицо. Руки у него дрожали. Потом он откинул затылок на стену, опустил руки вдоль тела, сделал глубокий вдох и вдруг как-то страшно захрапел, наклонился на бок, потом съехал на пол, его начали бить судороги. К нему бросились, окружили его, один из наших игроков – доктор Миша – опустился к нему. Семен продолжал храпеть, одна нога его дергалась, глаза закатились, выглядело все

это страшно. Нисон вызвал скорую, но Миша сказал: «Нет, это уже все», и Семен, словно услышав заключение медика, затих.

Санитары приехали минут через десять. Погрузив тело на носилки, они укатали его из зала. Кто-то вернулся к столам, остальные собрались в офисе у Нисона. На столе появилась бутылка «Хеннеси» и закуска – обычное завершение пятничного вечера. Эти еженедельные посиделки для многих из нас были не менее важны, чем собственно теннис.

Разговоры все были, конечно, о Семене. Каким он был? Да никаким. Обычным. Играл всю жизнь. В молодости был защитником. Вот в общем-то и все. Ситуация как бы предполагала, что знавшие его станут делиться о нем добрыми воспоминаниями, но вспоминать было нечего. Приходил в клуб как все мы, вот и все.

По понятной причине его смерть удручила меня больше других. Не то чтобы я считал себя виновным в случившемся, но, как в анекдоте про исчезнувшие ложки, осадок остался. Потом доктор Миша, видя мое состояние, сказал:

– Посмотри на эту ситуацию так: это была его последняя в жизни игра. У него был сильный соперник. И он победил. Согласись, это лучше, чем два месяца умирать под капельницей или ходить под себя в койку в старческом доме.

Все, конечно, дружно поддерживали доктора и даже подняли тост за то, чтобы мы все ушли из жизни как Семен – после последнего победного боя. Именно это объяснение вдруг сделало из самого что ни на есть заурядного человека павшего геройской смертью бойца. Что значит правильная презентация!

В ту ночь мне приснился удивительно яркий сон, как Семен восходит на небеса, победно подняв над головой свою ракетку, а сонмы ангелов трубят в трубы какую-то триумфальную мелодию и одновременно аплодируют Семену своими чудесными белыми крыльями. И вдруг среди этих ангелов я вижу своего друга Нисона в его обычном адидасовском костюме с тремя белыми полосками, который тоже аплодирует новоприбывшему и улыбается, но не Семену, а мне своей немного грустной улыбкой человека, знающего природу вещей. И хотя я сплю, я все же задаюсь вопросом: как же это я могу тут находиться, если я еще жив, равно как жив еще и мой друг Нисон, и, стало быть, нам рановато встречать новопреставленного раба божия Семена в этих чудесных горних сферах? Но потом ко мне приходит осознание того, что речь идет о вечности, а в вечности не может быть хронологически развивающихся сюжетов с каким угодно финалом, потому что финалов в вечности быть не может по определению. Могут быть лишь моменты непрекращающегося счастья, при этом у каждого оно свое, поэтому момент небесного триумфа Семена просто невозможен без моего и Нисона участия, где бы мы с ним в данный момент сами ни находились. По этой причине я тоже начинаю аплодировать Семену и даже кричать «браво!», хотя голос мой и заглушается ревом труб и шумом крыльев.

Круги жизни

На днях в нашем клубе настольного тенниса появляется один тип, некто Роберт. Я не видел его года полтора и даже подумал, грешным делом, что он уже откинул лыжи. Нет, жив курилка! Высокий, худой, седой, веселый, стоит у стола, при этом в одной руке у него ракетка, а другой он опирается на металлическую трость с такими четырьмя лапками

внизу – для большей устойчивости. Это какую же нужно иметь любовь к настольному теннису, думаю я, чтобы играть, когда ты без этой палки просто стоять не можешь!

Потом один наш общий знакомый по клубу рассказал мне такую историю. Этот Роберт – очень увлекающаяся натура. Если он чем-то занимается, то идет, как говорил князь Мышкин, до последних столбов. В бытность свою начинающим юристом он, подражая старшим коллегам, занялся гольфом и так увлекся им, что стал за этой игрой проводить больше времени, чем в офисе и в судах. Но его начальство это устраивало. Дело в том, что некоторые юридические компании, особенно из тех, которые защищают мажорных налогоплательщиков налогов, ищут новых клиентов в гольф-клубах. Понятно почему? Потому что налоги мешают им красиво жить, вот почему. И вот компания, где числился Роберт, была именно из таких, и использовала парня просто как наживку. Роберта это тоже устраивало. И его жену Софию тоже устраивало. А что – красивая клубная жизнь, упакованная публика, звезды кино, шампанское с устрицами, и она – в центре этого праздника безостановочно принимает комплименты относительно своего мужа-гольфиста!

Теперь одна немаловажная деталь – в этом клубе помимо ресторана с видом на холмистые поля еще были бассейн с сауной и сигарная комната с баром, бильярдом и столом для настольного тенниса.

И вот в один прекрасный день Роберт зачалил какого-то нового клиента, они зашли в бар выпить за знакомство, потом они выкурили по сигаре, а потом новый товарищ предложил Роберту сыграть партию в настольный теннис. «Почему нет?!» – ответил Роберт. Партнер оказался сильным игроком и где-то через полчаса – минут сорок Роберта посетило озарение: настольный теннис – единственная игра, которая стоит его времени и усилий. Гольф – другое. После чего он спрятал свои клюшки, приобрел ракетку для настольного тенниса и записался в соответствующий клуб.

Из юридического офиса его тут же поперли, но к тому времени его София стала менеджером того самого гольф-клуба, поэтому в ее жизни как бы ничего и не изменилось. Она по-прежнему вращалась среди упакованной публики и пила шампанское с устрицами. Что до Роберта, то он нашел себе работу консультанта в каком-то затрапезном иммиграционном офисе, которая не сильно мешала его занятиям теннисом, а София, видимо, рассудила, что лучше иметь такого мужа, чем никакого. А может быть, она просто любила его? Такое ведь тоже бывает, верно?

Что до Роберта, то не проходит и года, как он уже кидает топ-спины как Ян-Уве Вальднер, подрезает как Джу Сэй Хьюк, и его фотокарточка висит на доске почета теннисного клуба, который он представляет на всевозможных состязаниях и где проводит значительную часть своей жизни. София, конечно, гордится его достижениями, но иногда, глядя как он пакует сумку для поездки на очередной турнир, в ее взгляде можно видеть капельку грусти и капельку усталости. Но что теперь уже менять, столько прожито вместе, пусть мальчик играет, лучше чем если бы завел себе молодую любовницу, верно я говорю? И потом, после турнира он же вернется домой, правильно?

Так проходят годы, и после очередного победного турнира товарищ по команде приглашает его на пиво в бар, который, на беду Роберта, оказывается караоке-баром. Друзья начинают с пива, а потом переходят к текиле, которая имеет свойство менять мировосприятие пьющего. И вот в этом слегка измененном состоянии сознания Роберт решает присоединиться к поющим. Значит, чтобы не вдаваться в лишние подробности,

сообщу, что хозяевам удалось стащить его со сцены только часа в два ночи, и то после того как они пригрозили ему вызвать полицию.

Что было дальше, вы уже поняли. Так же, как на смену клюшкам пришли ракетки, так ракетки сменил микрофон типа того, каким пользуется Тэйлор Свифт, ну, вы знаете – на такой тонюсенькой проволочке вдоль щеки с бусинкой на конце. Года не прошло, как Роберт стал звездой караоке, при этом пел на французском, на итальянском, на немецком, на сербско-хорватском, на идише, на русском, на украинском, на польском, на японском и на китайском. Один раз его пригласили на бухарскую свадьбу, где он пел на узбекском, сорвав овацию, после которой ему пришлось повторить среднеазиатский шлягер на бис еще два раза.

И вот Роберт везде нарасхват, везде его любят, где он ни появляется, его тут же приглашают к столу, и пока он не поест и не выпьет, его никуда не отпускают. Поэтому поет он обычно слегка подшофе, но людям это как раз нравится. София на эти шабаши не ходит, она в своем эксклюзивном клубе привыкла к другим формам досуга, но отмечает, что сколько бы и где бы ее супруг ни выпил, он неизменно спит в супружеской постели. Чего еще?

Теперь я возвращаюсь к самому началу этой истории, чтобы спросить: как он мог отказаться от такой веселой жизни и вернуться в клуб настольного тенниса, да еще на палке? Объясняю: в один прекрасный вечер новые друзья напоили его до такой кондиции, что во время исполнения очередного номера международной эстрады он сверзился со сцены и сломал обе ноги и руку. Вот и весь секрет.

Когда он пришел в себя, весь перебинтованный и загипсованный, то первым делом позвал врача, чтобы тот дал ему объяснения относительно его состояния здоровья, но у него ничего не получилось. Пропал голос. Скорее всего, от передозировки наркоза. Так говорят, я сам не знаю.

Всю дальнейшую часть выздоровления Роберт молчал, но мозги его продолжали работать и принимать какие-то решения. Поэтому, когда с него сняли гипс и он смог ходить, он прямым ходом двинул в клуб настольного тенниса. Оно и понятно, ходить по холмам гольф-клубов с пострадавшими от пения ногами ему было не по силам, поэтому он выбрал более приемлемый для себя спорт.

Но я думаю, что поскольку история любит ходить по кругу, то рано или поздно он должен вернуться к занятиям гольфом. Я могу только догадываться, как это может произойти. Например, трость на лапках может навеять ему воспоминания о клюшке для гольфа. Он прямо всем организмом тогда вспомнит, как ловко махал ею на залитых солнцем зеленых холмах, и его снова потянет на травку.

Но, может быть, это еще не станет концом упомянутого выше круга. Потому что может быть, может-может-может быть, за всеми этими спортивно-музыкальными возвращениями последует возвращение к любимой женщине – Софии. Ведь по идее это она была его самым первым увлечением, и именно в ее объятиях он испытал свое первое счастье. Всеобъемлющее как землетрясение. Правда, когда он вернется к ней, он может обнаружить, как она изменилась за истекший период, причем не в лучшую сторону, и исправить уже ничего нельзя. Это тебе не клюшка из какого-нибудь невероятного сплава или ракетка, накладки на которой можно менять хоть каждый день. Да, поезд ушел. И все, что ему останется, так это зайти в здание опустевшего вокзала, пройти в туалет и посмотреть в тронутое патиной зеркало на себя самого. Да-а, так-то вот, парниша...

Ну, хорошо, не будем так мрачно смотреть на будущее. Пусть лучше он снова обнимет свою Софию и растает в ее объятиях, потому что все эти годы его терпеливица продолжала любить его, и это именно она, а не он – старый балбес – заслуживает этого счастья.

2025 г.